

Случай Гарри Дэвиса: пределы космополитического отказа в суверенном миропорядке

The case of Harry Davis: the limits of cosmopolitan renunciation in a sovereign world order

Михайлов Д.А.

Аспирант, ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», г. Омск
e-mail: mdmmiha@gmail.com

Mihailov D.A.

Postgraduate student, Omsk Humanitarian Academy, Omsk
e-mail: mdmmiha@gmail.com

Пузиков В.Г.

Д-р филос. наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск

Puzikov V.G.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk State Pedagogical University, Omsk

Аннотация

В статье анализируется казус добровольного отказа Гарри Дэвиса от гражданства США как предельный тест космополитического воображения в условиях суверенного миропорядка. В отличие от преобладающих интерпретаций, рассматривающих данный жест либо как эксцентричный эпизод политического идеализма, либо как эмпирическое доказательство структурной невозможности мирового гражданства, авторы статьи предлагают диалектическое прочтение этого опыта. Показано, что отказ от национального гражданства, будучи политически неэффективным в инструментальном смысле, обладает значительным диагностическим потенциалом. Что позволяет выявлять суверенитет как сущность в ситуациях исключения и правовой неопределённости.

Ключевые слова: космополитизм, мировое гражданство, безгражданство, суверенитет, политическое членство, суверенный миропорядок.

Abstract

This article analyzes the case of Harry Davis's voluntary renunciation of US citizenship as the ultimate test of the cosmopolitan imagination in a sovereign world order. Unlike prevailing interpretations, which view this gesture either as an eccentric episode of political idealism or as empirical proof of the structural impossibility of global citizenship, the authors offer a dialectical reading of this experience. It is demonstrated that the renunciation of national citizenship, while politically ineffective in an instrumental sense, possesses significant diagnostic potential. This allows us to identify sovereignty as an essence in situations of exception and legal uncertainty.

Keywords: cosmopolitanism, world citizenship, statelessness, sovereignty, political membership, sovereign world order.

Идея мирового гражданства занимает парадоксальное место в истории социально-политической мысли. С одной стороны, она выступает как нормативный горизонт, сопровождающий философские размышления о всеобщем равенстве, моральной универсальности и принадлежности к человечеству как таковому. С другой стороны, всякая попытка перевести этот идеал в плоскость общих вопросов и институциональной политики сталкивается с устойчивостью суверенного миропорядка, основанного на принципах территориальности, гражданства и исключения. Космополитизм, таким образом, функционирует не столько как реализуемая программа, сколько как критический предел политического воображения. Авторы данной статьи обращаются к этому пределу через анализ добровольного отказа Гарри Дэвиса от гражданства США и его последующей жизни в статусе самопровозглашённого «гражданина мира». В отличие от подавляющего большинства случаев, связанных с насилием, депортациями и утратой прав против воли индивида, жест был сознательным и публичным. Что позволяет исследовать не только структурные пределы космополитизма, но и способы, посредством которых суверенный порядок реагирует на попытку принципиального выхода за рамки национального гражданства. В существующих исследованиях безгражданства и космополитизма данный случай интерпретируется либо как курьёзный эпизод политической эксцентричности, либо как эмпирическое подтверждение тезиса о невозможности постнационального членства в условиях системы суверенных государств. Сведение жеста Гарри Дэвиса к доказательству «провала» космополитизма предполагает понимание суверенитета, тогда как игнорирование его биографии как политически значимого опыта лишает анализа возможности выявить внутренние противоречия самого режима исключения.

В данной статье предлагается иная перспектива. Утверждается, что отказ Дэвиса от гражданства, будучи политически неэффективным в инструментальном смысле, оказывается концептуально продуктивным в диагностическом отношении. Его опыт позволяет рассматривать суверенитет не как статичную онтологическую форму, а как процессуально воспроизводимую совокупность разного рода практик, которые особенно явно проявляются в ситуациях правовой неопределённости и в условиях исключения функционирования суверенитета. В развитие этого вопроса ставятся две взаимосвязанные задачи. Первая – проанализировать, каким образом институциональные практики границы, депортации и административной дискреции реагируют на фигуру добровольного отказа от гражданства. Вторая – показать, как социальный и символический капитал субъекта модифицирует опыт безгражданства, превращая его из абсолютного бесправия в стратифицированное состояние управляемой уязвимости.

Методологически статья опирается на казусный анализ в сочетании с философской герменевтикой предела. Случай Дэвиса рассматривается не как пример безгражданства, а как познавательный инструмент, позволяющий проблематизировать базовые категории политической теории – гражданство, принадлежность, суверенитет и исключение. Такой подход не претендует на эмпирическую генерализацию, но нацелен на концептуальное уточнение тех условий, при которых универсалистские притязания могут – или не могут – быть институционально артикулированы. Теоретически статья встраивается в современные дискуссии социальной и политической философии о космополитизме, суверенитете и гражданстве, вступая в критический диалог с работами о безгражданстве – «праве иметь права» [1, 296-297] и концепциями исключения. Кроме того, анализ демонстрирует стратифицированный характер безгражданства, где социальный и символический капитал субъекта [11, 16] трансформирует абсолютное бесправие в управляемую уязвимость [4, 5]. В современных К. Оберман и Л. Эрез [19] ставят вопрос о праве граждан на добровольный отказ от членства без эмиграции, что задаёт нормативную рамку для анализа случая Дэвиса как предельного теста. В отличие от нормативных проектов космополитизма, ориентированных на институциональное проектирование, данная статья предлагает анализ того, почему определённые формы универсализма оказываются исторически неработоспособными и какие напряжения они высвечивают в существующем политическом

порядке. Так античная формула космополитизма, приписываемая Диогену Синопскому [8, С. 254], возникает как провокация по отношению к полисной идентичности. Космополитизм здесь не институциональный и не правовой: он выступает как форма негативной свободы, как дистанцирование от политического участия, а не как проект его переустройства. Стоическая философия мыслит мир как упорядоченное целое, управляемое рациональным законом, в котором все разумные существа потенциально принадлежат к единому моральному сообществу [18, с. 30-35]. Однако и здесь космополитизм сохраняет преимущественно этический статус. Он регулирует отношение индивида к себе и к другим, но не подменяет собой политическую принадлежность к конкретному государству. Стоик может быть одновременно римским гражданином и «гражданином мира», поскольку эти уровни не конкурируют друг с другом. Этот момент принципиален для понимания дальнейшей судьбы космополитизма. В античности и поздней античности универсальное сообщество мыслится над политическими образованиями, а не вместо них. Космополитизм не требует отмены гражданства; он предполагает внутреннюю иерархию лояльностей, в которой политическая принадлежность сохраняется как эмпирический факт, а универсальность – как нормативный горизонт.

Решающий сдвиг происходит в новоевропейской философии, прежде всего в кантовском проекте. В трактате «К вечному миру» Иммануил Кант вводит понятие права всемирного гражданства, тем самым впервые помещая космополитизм в поле юридического и институционального мышления [10, С. 8]. Однако этот шаг носит строго ограниченный характер. Космополитическое право у Канта сводится к праву гостеприимства – праву не быть встреченным враждебно при прибытии на чужую территорию. Оно не отменяет суверенитета государств и не подрывает значение национального гражданства как основного источника политических прав. Тем самым кантовский космополитизм закрепляет структурное различие между моральной универсальностью и политической принадлежностью. Космополит – это не апатрид, (апатрид – человек, физическое лицо без гражданства), а гражданин государства, чьи права дополняются минимальными универсальными гарантиями. Как подчёркивает Кант, речь идёт не о праве на поселение, а лишь о праве посещения [10, С. 16]. Универсализм здесь строго процедурен и негативен: он ограничивает крайние формы насилия, но не создаёт альтернативного политического членства. Именно эту архитектуру и радикализирует, а затем разрушает жест Гарри Дэвиса. Его космополитизм формируется в принципиально ином историческом контексте. Он видел причины всех войн в том, что разные национальные государства видят свои интересы лишь в сохранении своей целостности. «Как могут нации сотрудничать или объединяться, если по определению они существуют только будучи отделенными от других?» [9, С. 18] Поскольку причина, по его мнению, была в национальных государствах. Поэтому он пытается предложить миру решение – организация мирового гражданства с привязкой не к нации, а к человечеству [9, С. 19]. Для Дэвиса государственная принадлежность предстает не условием защиты, а механизмом коллективной мобилизации на уничтожение. Война мыслится им как следствие самой логики национального членства. В этом смысле отказ Дэвиса от гражданства представляет собой не продолжение классического космополитизма, а его инверсию. Если у Канта универсальное дополняет национальное, то у Дэвиса универсальное должно его заменить. Его жест направлен не на расширение прав, а на разрыв связи между политической идентичностью и насилием. Это делает его проект принципиально политическим, а не этическим: он стремится не к личной добродетели, а к перформативному учреждению новой формы принадлежности.

Однако именно здесь выявляется центральное противоречие его позиции. Дэвис мыслит политическое через фигуру морального субъекта, полагая, что публичная декларация и последовательность личного выбора способны произвести институциональный эффект. Его космополитизм сохраняет черты этического максимализма, унаследованного от классической традиции, но при этом обращён к миру, в котором политическая принадлежность регулируется не добродетелью и разумом, а административными и бюрократическими процедурами, в соответствии установленным государством политическим порядком. Политический порядок

функционирует через то, что Макс Вебер называл «легальным господством» – систему формальных классификаций, документов и компетенций [6, С. 254-264]. Гражданство в этой системе является не идентичностью в символическом смысле, а юридической технологией распределения доступа к территории, защите и правам. Отказываясь от гражданства, Дэвис не выходит за пределы суверенного порядка, а, напротив, оказывается в зоне его максимальной дискреции – там, где право отступает, уступая место административному усмотрению. Опыт Гарри Дэвиса после отказа от гражданства представляет собой не просто биографическую последовательность эпизодов маргинализации, но развернутую феноменологию суверенного исключения. Его перемещения в послевоенной Европе и за её пределами позволяют реконструировать, в эмпирически насыщенной форме, те механизмы власти, которые активируются в ситуации утраты национальной принадлежности. В отличие от классических теоретических моделей, рассматривающих суверенитет как абстрактный принцип, случай Дэвиса демонстрирует его функционирование через практики границы, депортации и административного усмотрения. Безгражданство не устраняет связь с государством происхождения, а трансформирует её. Отказ от гражданства не означает выход за пределы суверенного порядка, но переводит индивида в режим повышенной уязвимости и дискреционного контроля. Большая роль в этом процессе, думается, сыграло то, что Д. Коченов назвал «супергражданством» [11, 217-228]. Гражданство США, безусловно, является именно таким. Привилегии такой принадлежности действительно велики и не исчезают даже после формального отказа, что объясняет парадоксальную устойчивость связей Дэвиса с государством происхождения. Как отмечает Б. Бюхель, Дэвис оставался де-факто и де-юре гражданином США для всех, кроме самого себя [5]. Л. Босняк характеризует это состояние как «гражданство неграждан» [4] – парадоксальное сохранение прав без формального статуса. А. Шахар дополняет, что безгражданство градуировано [15]: степень уязвимости зависит от «лотереи по рождению» [16] и накопленного символического капитала. В отличие от телеологии Т.Х. Маршалла [12], предполагающей прогрессивное расширение прав, случай Дэвиса демонстрирует обратное движение.

Таким образом, философская генеалогия жеста Дэвиса позволяет зафиксировать фундаментальный разрыв между космополитизмом как этической идеей и космополитизмом как политическим проектом. Его отказ обнаруживает, что универсализм, не опосредованный институциональными формами и коллективной силой, оказывается уязвим перед административной рациональностью суверенного государства. Этот разрыв не является случайным или личностным. Это указывает на структурное несоответствие между моральной логикой космополитизма и философско-политической логикой современного государства.

Литература

1. Агамбен Г. Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь / пер. с англ. Д. Хеллера-Роазена. – Стэнфорд: Stanford University Press, 1998. – 110 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. – Нью-Йорк: The World Publishing Company, 1962. – 520 с.
3. Бенхабиб С. Права других: чужаки, резиденты и граждане. – Кембридж: Cambridge University Press, 2004. – 251 с.
4. Босняк Л. Гражданин и иностранец: дилеммы современного членства. – Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press, 2006. – 222 с.
5. Бюхель Б. Типология безгражданства // Statelessness & Citizenship Review. № 2, 2022, с. 237–255.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
7. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт ООН. – URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.01.2026).

8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
9. Дэвис Г. Моя страна - весь мир. – Лондон: Macdonald, 1961. – 222 с.
10. Кант И. К вечному миру. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 08.01.2026). – 44 с.
11. Коченов Д. Гражданство. – Бостон, Массачусетс: MIT Press, 2019. – 328 с.
12. Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Маршалл Т.Х., Боттомор Т. Гражданство и социальный класс. – Лондон: Pluto Press, 1992. – 55 с.
13. Оберман К. Иммиграция, гражданство и согласие: что не так с постоянным статусом иностранца? // Journal of Political Philosophy. № 1, 2017, с. 91–107.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
15. Шахар А. «Чья республика? Гражданство и членство в израильском полисе» // Georgetown Immigration Law Journal. № 2, 1999, с. 233–272.
16. Шахар А. Лотерея по праву рождения: гражданство и глобальное неравенство. – Кембридж, Массачусетс: Harvard University Press, 2009. – 273 с.
17. Шмитт К. Политическая теология: сб. ст. / пер. с нем., сост. и закл. ст. А. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
18. Элиоупулос П. Стоический космополитизм как образ жизни // Dialogue and Universalism. № 3, 2014, с. 30–35.
19. Эрез Л. Отказ от гражданства без эмиграции // American Political Science Review. № 1, 2025, с. 1–13.